

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. И СООБЩЕСТВА КРЕСТЬЯН И МАСТЕРОВЫХ (НА ПРИМЕРЕ ИЖЕВСКОГО ЗАВОДА)

Без помощи органов мирского самоуправления государственная власть не могла успешно функционировать, об этом ярко свидетельствует использование не только института крестьянской общины, имевшего многовековые традиции, но и внедрение, в значительной мере сверху, самоуправления в заводских поселениях, среди мастеровых и рабочих людей. Общины становились своего рода передаточным механизмом между центральной, а также местной властью и трудовыми массами, выполняя самые разнообразные фискальные, поземельные и регулятивные функции. На Ижевском и Воткинском заводах становление общины было закономерным явлением еще и потому, что мастеровые и рабочие люди этих заводов были тесно связаны с землей, наделяясь сенокосами и местами для выпаса скота.

Общинные традиции неизбежно регенерировались в заводской среде еще и в силу того обстоятельства, что основное пополнение кадров мастеровых шло из крестьянской массы, а институт непременных работников возник на базе приписного крестьянства. Отметим, что расширение рядов непременных работников за счет крестьян-удмуртов смежных с Ижевским заводом волостей встретило активное сопротивление волостных общин завьяловских и юськинских крестьян. В июне 1807 г. в связи с мероприятиями по переводу в непременные работники заводовалась Юськинская волость, возмущенные удмурты в количестве 3 тыс. чел. заявили «пусть хоть головы им рубят, но они имен своих никому не скажут и к заводам не пойдут». Думается, это была коллективная воля, выработанная на мирском сходе. В августе того же года заводовались удмурты Завьяловской волости. В селения волости была введена казачья команда, губернатор В.И. Болгарский рапортовал, что ему удалось привести крестьян в повиновение одними увещеваниями, однако наиболее активные предводители волнений были арестованы и отправлены на отдаленные горные заводы Урала. Тем не менее, при появлении в крае сенатора П.С. Рунича, ревизовавшего губернию в 1808 г., удмурты направили к нему, как отмечал Болгарский, «главного бунтовщика». Обещание Рунича разобраться в обстоятельствах дела (будучи в свое время вятским губернатором, Рунич всеми мерами сопротивлялся приписке удмуртов к заводам) вызвало в упомянутых волостях новый мятеж¹. После подавления волнений удмурты приняли заводские работы как неизбежность.

Основной контингент работников завода составляли мастеровые, число которых после создания в 1807 г. оружейного производства непрерывно росло: в 1816 г. завод располагал 2847 мастеровыми, к 1860 г. на нем было 4750 чел. «рабочих чинов» высшего, среднего и младшего звена². Ижевский завод из-за его окраинного положения нередко рассматривался как место ссылки для провинившихся работников Тульского и Сестрорецкого оружейных заводов³, что не могло не сказаться на качественном составе мастеровых. В 1838 г. командир завода А.И. Нератов с тревогой отмечал, что в Сестрорецком заводе на 2977 работников приходится 12 подсудимых, в Тульском — 16 на 8976 чел., а на Ижевском — 80 подсудимых на 5411 чел.⁴ Особенно

критической была ситуация с обеспечением рабочей силой железодельного завода, оттесненного на второстепенное место, так как приоритетное положение получило оружейное производство. Дойдя по инстанциям даже до императора, заводское правление неоднократно ставило вопрос о мерах по мобилизации на металлургическое производство рекрутов из числа крестьян, живущих близ частных заводов и имеющих опыт наемной работы на «железоковательных» предприятиях⁵. Отметим, что рекрутские партии поступали на завод почти ежегодно, предпочтение отдавалось рекрутам из Пермской и Вятской губерний, при этом почти 30 % мобилизованных из Вятской губернии составляли удмурты. Так, в 1819 г. из 318 поступивших на завод рекрутов 90 чел. были удмуртами Глазовского, Елабужского и Сарапульского уездов⁶. Однако это пополнение не совсем устраивало заводскую администрацию. В 1842 г. старший смотритель работ железодельного производства по-прежнему жаловался на недостаток работников и отсутствие у имеющих должной профессиональной квалификации: большая их часть, по его мнению, «или неспособные или же обращающиеся частовременно в отлучках, пьянстве, кражах и тому подобное, которые были нетерпимы в оружейном заводе и присланы в железоковательной заштрафь»⁷.

По мере расширения производства заводское правление добивалось увеличения контингента неперенных работников и мастеровых. В 1823 г. возник проект приписки к заводу дополнительно еще четырех волостей Сарапульского уезда: Ильинской, Бурановской, Сретенской и Арефьевской. И снова все тяготы, связанные с взаимоотношениями с властью, взвалили на себя мирские органы. На волостных сходах крестьяне выбрали по 3 поверенных от каждой общины, которым поручили подготовку прошения на имя Александра I. Жители перечисленных волостей просили оставить их в прежнем положении государственных крестьян, считая приписку к заводу чрезвычайно нежелательной: «... от чего и должны прийти с большими своими семействами, сиротами и вдовицами, в краткое время в крайнее разорение и самую даже нищету». В результате длительной переписка между заводским правлением, инспектором оружейных заводов, Артиллерийским департаментом Военного министерства, генерал-фельдцейхмейстером и Министерством государственных имуществ в 1840 г. крестьян оставили в покое. Контингент приписных остался неизменным, хотя в ходе обсуждения возникали проекты увеличения их численности за счет рекрутских наборов, на что категорически не соглашалось заводское правление и командир завода. В возражениях они резонно отмечали, что рекрутов придется поселить в казармах, на строительство которых понадобятся немалые средства, снабжение их продовольствием составит особую проблему, тогда как неперенных работников из крестьян всем необходимым снабжают остающиеся в деревне члены их семейств⁸.

Для разрешения насущных проблем благоустройства, снабжения работающего населения и иждивенцев продовольствием рекрутируемые преимущественно из крестьянского сословия заводские мастеровые создавали свои общинные организации. Все вопросы, касающиеся быта мастеровых и членов их семей, на Ижевском оружейном заводе решались собранием выборных. Так, 4 июля 1832 г. собрание поверенных, «желая иметь собственно для своих и для всех мастеровых оружейного заво-

да польз достаточную экономическую сумму», вынесло приговор о сборе на общественные нужды по копейке с каждого заработанного рубля⁸.

В 1833–1834 гг., когда на заводе возникли продовольственные затруднения, правление не стало брать на себя заботы о закупке зерна и муки, а обратилось к коллегиям мастеровых. В 1835 г. сообщество мастеровых вынесло решение, по всей вероятности, инициированное заводским правлением, в течение последующих 20 лет ежегодно собирать с каждой души мужского пола по 15 коп. в общественный капитал, предназначенный для закупок продовольствия. По означенному приговору на 1838 г. с мастеровых, оружейников и их детей мужского пола было взыскано 738 руб., которые направлялись в Санкт-Петербургскую сохрannую казну Императорского воспитательного дома. В ствольном, замочном, приборном, ложевом, инструментальном, цехе белого оружия прошли собрания, на которых были избраны представители мастеровых. 7 мая 1838 г. собрание выборных выработало единую линию и поручило закупку продовольствия доверенным от мастеровых «штыкоотделочного мастерства задельщику Степану Коневских и замочного — Лукояну Бабушкину». Общество мастеровых поручилось за них и взяло на себя полную ответственность за вверенные им деньги на покупку 72 тыс. пудов ржаной муки и 30 тыс. пуд. овса¹⁰. В 1833 г. общины непрременных работников, организованные по этническому принципу (русское отделение во главе со старшиной Степаном Лушниковым и вотское отделение со старшиной Кузьмой Федоровым), на своих собраниях при участии заводского исправника Рагозина и смотрителя непрменных работников Ивановского составили приговор о том, чтобы «полагающийся за рабочее время провиант и для казенных лошадей овес был выдаваем непрменно в полном количестве натурою». В случае возникновения каких-либо убытков при раздаче закупленного казной продовольствия крестьяне предложили возмещать из созданной ими для этой цели страховой суммы¹¹.

Власть использовала сообщества мастеровых не только для решения конкретных вопросов жизни заводского селения, но и для создания общественного мнения и желательного для себя имиджа мастерового. Общинные организации мастеровых подключались в помощь полиции для соблюдения в заводском поселке порядка. От каждого десятка домов для этой цели выбирались так называемые обывательские десятичники, которые обязывались следить, чтобы в поселке не было посторонних, не прошедших регистрации, и каждый день доносить обо всех нарушениях, в противном случае, они несли такую же ответственность, как и полицейские чины¹².

Через сообщества мастеровых заводское правление пыталось бороться и с таким распространенным пороком, как пьянство. 12 апреля 1838 г. командир завода генерал-лейтенант Нератов издал приказ о мерах борьбы с пьянством, по которому от сообщества мастеровых были выбраны 60 чел., с них взяли подписки. Наряду со смотрителями завода, они несли строжайшую ответственность за поведение своих сотоварищей по заводским мастерским. В стремлении улучшить показатели нравственности и производственной дисциплины командир завода и заводское правление обращались к профессиональному чувству чести сообщества оружейников. В приказе Нератова от 12 марта 1838 г. отмечалось, что «высшее начальство» может прийти «к невыгодному заключению обо всем обществе мастеровых». Чтобы загладить «нанесенное несколькими развратными пятно», община мастеровых обязывалась строго

наблюдать за своими членами «как во время работы, так и в домашней жизни» и докладывать начальству обо всех замеченных дурных поступках. Слежка возлагалась и на обывательских десятников, выбираемых по месту жительства мастеровых.

Роль сообществ мастеровых, как и роль крестьянской общины, проявлялась и в отстаивании профессиональных прав заводских работников. В 1835 г. завод по технической части инспектировался генерал-майором Бонтоном. На основании предложений мастеровых штыкоотделочного производства он донес генерал-фельдцейхмейстеру великому князю Михаилу Павловичу о том, что заточка штыков на заводе производится из соображений экономии на сухих точилах, что очень вредит здоровью людей. В результате вмешательства высшей инстанции последовало распоряжение заводского правления смотрителю работ вести строжайшее наблюдение, чтобы «обточка штыков на сухих точилах производимо никогда и нисколько не было»¹³.

Во время инспекторской проверки Ижевского завода, осуществлявшейся в 1838 г. адъютантом царя полковником Бакуниным, были заявлены от имени сообществ мастеровых по всем заводским цехам претензии к заводууправлению и его командире. Так, пункт 3 запроса вопрошал: «... по какой причине оружейников заставляют быть на работе с 5 часов утра и до 8 часов вечера, что за исключением обеденного часа составляет 14 часов в сутки, между тем как штатом... положено оружейникам работать только от 10 до 11 часов в сутки?». Пункт 4 требовал ответа, почему мастеровых, даже выполнивших уроки, заставляют работать «в выходные дни и даже в Высокоторжественный день коронации его величества?». Пункт 9 остро ставил вопрос о заработной плате: почему заработанные деньги «... не выдают ранее 2 или 3 месяцев, так что жалованье за июль и август выдано только 7 октября, а за сентябрь и октябрь и по сию пору не выдано?». По тону вопросов чувствуются, что все указанные проблемы были поставлены сообществами мастеровых тех цехов, в которых по долгу службы побывал Бакунин. Позже, 6 декабря он направил дополнительный запрос администрации завода с требованиями мастеровых уже отдельно по каждому цеху¹⁴. По результатам проверки была составлена соответствующая записка. В результате знакомства с ней генерал-фельдцейхмейстер распорядился каждое изменение в расценках труда мастеровых утверждать в Артиллерийском департаменте и заранее вывешивать в цехах и мастерских, дабы избежать недовольства и ропота работников завода. Чрезмерная эксплуатация мастеровых также вызвала соответствующую реакцию высших эшелонов власти. В итоге правление завода на использование праздничных и табельных дней для выполнения «уроков» вынуждено было испрашивать особого распоряжения инспектора оружейных заводов генерал-лейтенанта Штадена¹⁵. Таким образом, цеховые сообщества мастеровых при возможности, которая выдавалась во время инспекции завода, не боялись достаточно резко и остро ставить назревшие вопросы и добивались определенных решений в свою пользу. Особенности самой производственной организации мастеровых, объединенных в цеха, облегчали задачу борьбы за профессиональные права.

И еще одна сторона взаимоотношений власти и заводского сообщества заслуживает быть отмеченной. При решении социальных задач, имеющих к процессу производства косвенное отношение, но затрагивающих интересы всего населения заводского поселка, власть неизменно опиралась на сообщества мастеровых. Приве-

денные примеры свидетельствуют о том, что государство было заинтересовано в сотрудничестве с организациями самоуправления. Даже в управлении заводами, принадлежавшими Военному министерству, на которых внедрялась жесткая военная дисциплина, властная вертикаль не могла обойтись без опоры на органы самоуправления мастеровых. В решении проблем снабжения заводских поселков продовольствием, в налаживании дисциплины, в насаждении угодных власти образов поведения, в создании имиджа образцового оружейника администрация заводов обращалась прежде всего к сообществам мастеровых. Крестьянские общины имели большой опыт упорной борьбы за свои права с использованием самых разнообразных форм. В первой половине XIX в. сообщества мастеровых в отстаивании своих профессиональных прав делали первые шаги, однако сам уровень профессиональной организации по цехам позволял им быстрее добиваться более ощутимых результатов.

Примечания

¹ Лутцов П.Н. Волнения вотяков Вятской губернии по поводу прикрепления их к горным заводам (в 1807 и 1808 г.) // Тр. ВУАК. Вятка, 1909. Вып. II–III. С. 105–113.

² Васина Т.А. Камские заводы. Население, культура, быт (конец XVIII — первая половина XIX в.). Ижевск, 2006. С. 82–83.

³ Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 173. Л. 1–1 об.

⁴ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 215. Л. 69–70.

⁵ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 255. Л. 3–4.

⁶ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 65. Л. 15–15 об., 16–67 об.

⁷ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 255. Л. 710–711.

⁸ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 74. Л. 90–91, 104–111.

⁹ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 40. Л. 415–415 об.

¹⁰ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 40. Л. 415–415 об.; Д. 215. Л. 105–106 об.; Д. 260. Л. 249–249 об.

¹¹ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 207. Л. 9–24.

¹² ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 215. Л. 53–54.

¹³ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 205. Л. 401–401 об.

¹⁴ Там же. Л. 1–2 об., 35–38.

¹⁵ Там же. Л. 245–246, 259–259 об.

*Л.А. Дашкевич
(Екатеринбург)*

ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ДЕТСКИХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЕКАТЕРИНБУРГА КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX вв. *

Исследование истории учреждений детского призрения Екатеринбурга, сохранившей примеры благотворительной поддержки горожан, позволяет пополнить наше представление о развитии общественной жизни города, выявить логику этого развития и ее возможные перспективы. Современные ученые признают, что благотворительность в России была мощным и исторически самым длительным общественным движением, сыгравшим важную роль в формировании гражданского общества¹. Не был исключением в этом отношении и Екатеринбург.

Началом социального творчества жителей города в сфере помощи брошенным детям можно считать благотворительную инициативу купца третьей гильдии Федора Яковлевича Логинова. Сын турчаниновского приказчика, крепко стоявший на ногах,

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-83108 а/У.